

ББК Ш5(2=Р)5–4
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова,
доктор филологических наук, профессор,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
rudakovamasu@mail.ru

МОТИВ ОГНЯ В ЛИРИКЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Статья посвящена вопросу о своеобразии трактовки мотива огня в лирике М. Ю. Лермонтова. Анализируется многоплановый мотивно-образный комплекс огня, при этом анализ образной системы ведется в аспекте художественной онтологии с учетом эстетических и философско-художественных контекстов.

Ключевые слова: Лермонтов, мотив огня, мифология, природа, чувства, вдохновение, любовь, судьба, смерть, божественное, демоническое

Человеческое сознание, изначально постигающее мир путем сопоставления и выявления сходств и различий, рождает ряды образов, объединенных по принципу сходства, смежности и противоположности. Эта диалектичность или антиномичность человеческого разума и приводит к тому, что все основные явления бытия образуют пары (реже триады). Тем самым обеспечивается, во-первых, их понятность и доступность, а во-вторых, взаимозаменяемость в рамках мировосприятия. Так, компоненты пар «жизнь – смерть», «добро – зло», «свет – тьма» могут быть легко заменены один на другой: например, зло есть тьма, добро есть свет и т. д. И многое в жизни человека транспонируется через образы, так или иначе связанные со светом или огнем [6, 153].

В истории мировой религии и философия образ огня выступает в качестве одной из фундаментальных категорий. Так, еще в античности Гераклит считал стихию огня первоосновой всего сущего. Если говорить о христианстве, то огонь здесь ассоциируется прежде всего с Богом (поэтому значимые библейские образы так или иначе связаны с огнем – нимб святых, небесный огонь, Неопалимая купина, пылающее сердце как символ добродетели и веры таких святых, как святой Августин и святой Антоний Падуанский, адский пламень...). Не стоит забывать, что огонь – это и природное явление.

Символика огня и в языческой, и в христианской культуре имела двойственный характер. С одной стороны, это грозное, яростное, мстительное пламя, грозящее смертью и уничтожением. С другой – стихия огня несет очищение, дарует свет, тепло, создает домашний уют, в ней воплощается творческое, активное начало. Важным для понимания мотива огня является этимология слова «огонь»: *agni*– подвижный. А значит, огонь – это символ вечного движения.

Д. С. Мережковский в своей книге «В тихом омуте» (в главе «М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества») писал: «В Лермонтове два человека» – говорят близко знавшие его люди», и цитировал Вл. Соловьева: «Самое тяжелое, роковое в судьбе Лермонтова не окончательное торжество зла над добром, а бесконечное раздвоение, колебание воли, смешение добра и зла, света и тьмы» [4, 398]. Это высказывание очень точно характеризует две главные особенности поэзии Лермонтова. В ней, во-первых, отражены представления автора о мире и природе человека, в котором идет вечная борьба противоположных начал, и, во-вторых, ее отличает позиционирование лирического героя как активной личности, деятельность которой при этом направлена на познание своего внутреннего мира и последующее «примеривание» окружающей действительности к полученным результатам.

Еще будучи ребенком, Лермонтов учится рефлексии: ранняя болезнь лишает его возможности двигаться, активно проявлять себя и заставляет погрузиться в мир фантазий и раздумий, довольствоваться созерцанием окружающего мира, а не его освоением, формируя некое романтическое восприятие мира [3]. Болезнь позже преодолевается, возраст совершеннолетия достигается, но и тут Лермонтова ждут разочарования: неудавшаяся любовь, презрительно-снисходительное отношение света и даже такой факт, как далеко не изящная («армейская», по собственному признанию поэта) внешность, вынуждают поэта закрыться от мира твердой «скорлупой» насмешек и сатиры, дабы не выставлять на всеобщее обозрение свой внутренний мир, в котором идет вечная борьба и поиск духовного идеала.

В лирическом мире М. Ю. Лермонтова мотив огня – один из ключевых, к нему художник обращается на протяжении всей своей творческой жизни. Следует сказать, что образ огня в поэтическом мире данного автора выполняет не столько изобразительные, сколько выразительные функции, выступая прежде всего в качестве духовного символа.

Поэтический мир – некое идеальное образование, органичное «сцепление» универсальных духовных отношений, заключенных в тексте, продукт творческого воображения художника слова, воплощённый в произведениях лирического рода и представляющий более или менее условную модель мира реального [5]. В поэтическом мире отражается личность автора, особенность его судьбы, его философия [7].

В поэзии Лермонтова природа достаточно редко изображается с помощью «огненных» образов. Чаще всего это касается описания восхода («И снится ей все, что в пустыне далекой, / В том крае, где солнца восход, / Одна и грустна на утесе горячем Прекрасная пальма растет.» [2, 512]), заката («... гаснет небосклон, / [...] / И мрачных туч огнистые края / Рисуются на небе, как змея» [2, 102], «закат горит огнистой полосой» [2, 179], «На западе вечерний луч / Еще горит на ребрах туч» [2, 334]), бури («Как после бури облака стоят / И странные верхи в лучах горят» [2, 189]), звезды («Вверху одна / Горит звезда; / Мой взор она / Манит всегда» [2, 347]); «Как в ночь звезды падучей пламень, / Не нужен в мире я» [2, 347]).

Огненная стихия у Лермонтова проявляет себя не только и не столько в природном пространстве, прежде всего сам человек оказывается охваченным пламенем. Размышляя о личности, Лермонтов видит её в единстве рационального и эмоционального начал. Эти человеческие проявления благотворны в совокупности, причем автор уточняет, что эмоции относятся им к категории огня, позитивно окрашенными они оказываются, если проявляются не как страсти, а как «спокойный пламень», разум же соотносится с антагонистическим явлением бытия – с холодом. Однако именно эта установка на единство противоположного обрекает лирического героя на мучения. Будучи вечно одиноким, погруженным в свои «печальные думы», он стремится разумом познать тайны мироздания, которые воплощены, в его понимании, в ночных сводах и толпе звезд. «Но пылкий, но суровый нрав / Меня грызет от колыбели...» [2, 80], то есть порывы эмоционально-чувственного характера, выраженные через категорию огня, мешают, как представляется лирическому герою Лермонтова, сохраняя холодность духа, постичь тайны бытия. Вселенная, как говорит Лермонтов, вечно пребывает в гармоническом покое, для нее не существует ни яркого, ослепительного света, ни жаркого пламени, она находится в постоянном мерцании и свечении: «Выхожу один я на дорогу; / Сквозь туман кремнистый путь блестит; / Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, / И звезда с звездою говорит» [2, 543].

Лермонтов соотносит образ огня и с проявлением высоких человеческих чувств, таких, как любовь («огонь любви

первоначальной» [2, 271] – *это явная реминисценция Боратынского*; «любить пламенно, чистосердечно» [2, 179]; «пламенно любил я» [2, 197]; «очи любовью горят» [2, 545]; «в груди огонь, слеза в очах» [2, 311]; «пылко я люблю» [5, 549]), доброта («пламень добра» [2, 49]), отвага («отвагою пылая» [2, 440]), восторг («пламенный восторг» [2, 58]), свобода («пылкая любовь свободы» [2, 65])...

Для Лермонтова образ огня воспринимается символом приобщенности человеческой души миру божественному: «Хранится пламень неземной / Со дней младенчества во мне» [2, 114], «люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?» [2, 243]; а также символом ЖИЗНИ. Потому утрата огня в поэтическом мире Лермонтова оборачивается для его лирического героя гибелью: «Мой дух погас и состарился» [2, 36], «в глазах нет жизни и огня» [2, 260].

Лермонтов очень ценит в людских глазах, душах огонь, который становится в его поэтической системе символом сильных чувств, а значит, и символом живой, способной к состраданию и любви души: «Ищу в глазах твоих огня, / Ищу в душе твоей волненья» [2, 64], «И нежный, пылающий взгляд – / Недального счастья заклад» [2, 71], «чудным взор огнем светился» [2, 133], «В толпе людской и средь пустынь безлюдных / В нем тихий пламень чувства не угас: / Он сохранил и блеск лазурных глаз, / И звонкий детский смех, и речь живую, / И веру гордую в людей и жизнь иную» [2, 461], «И только что землю родную / Завидит во мраке ночном, / Опять его сердце трепещет / И очи пылают огнем» [2, 483]...

Полной противоположностью личности с таким внутренним миром Лермонтов представляет своего лирического героя. Одиночество, чувство непонятости, отверженности, невозможности найти себя в мире становится определяющим. Так, в стихотворении «Солнце осени» Лермонтов сравнивает сердце своего лирического героя с осенним солнцем, не дающим тепла. Трагедия человека в том, что, заключая в себе «огонь», он не может отдать людям частицу себя. Окружающие воспринимают его как холодный камень, а на самом деле в нем скрыта ранимая огненная душа, которая не хочет больше раскрываться перед людьми, познав «насмешки» и «сомненья». Из-за этого лирический герой Лермонтова постоянно демонстрирует свою закрытость от мира, даже глаза, которые обычно поэты называют зеркалом души, оказываются стеклом, причем омраченным дикими волнениями, то есть не только не отражающим внутреннее состояние героя, но и вообще непроницаемым.

Ощущение собственной ненужности, тщетности творческих усилий, пожалуй, наиболее ярко выражено в таких строках: «Как в ночь звезды падучей пламень, / Не нужен в мире я...» [2, 347].

Ощущение горечи мировосприятия Лермонтова проявляется в особой трактовке мотива душевного огня лирического героя. Это уже не «небесный пламень» жизни человека, а ядовитый, губительный огонь: «И то, что было б яд другим, / Его живит, его питает / Огнем язвительным своим [2, 208]».

Но лирический герой стремится к тому, чтобы жить полнокровно, с душой, открытой сильным чувствам (венцом которых становится любовь). Более того, поэту, по мнению Лермонтова, это просто необходимо, поскольку любовь и вдохновение для него являются категориями одного порядка.

Лермонтов рассматривает образ «небесного огня» как символ божественного озарения, необходимый для творчества. Но художник уже мыслится Лермонтовым как demiург, созидающий свои собственные миры, то есть поэт уже не просто проводник божественной идеи [8]. Мысли зарождаются именно в его голове, т.е. начальный этап творческого озарения представляет собой вполне осознанный процесс: «Таков поэт: чуть мысль блеснет, / Как он пером своим прольет / Всю душу...» [2, 12]. Только после этого наступает период «райского сна», когда поэт изливает в художественном творении свою душу. Истинное произведение искусства живо и создается в единстве рационального («Но долго, долго ум хранит...» [2, 12]) и иррационального восприятия («первоначальны впечатленья» [2, 12]).

Вдохновение Лермонтов воспринимает как «чудный пламень», возожженный в сердце поэта творцом, однако этот божественный огонь порождает отнюдь не псалмы всевышнему, а «грешные песни», обращенные к неизвестному адресату. Способность творить не делает поэта избранным, посланником божьим, а наоборот, отстраняет его от сферы небесного, заставляя погрязнуть в греховном земном мире. В связи с этим и жанр молитвы приобретает у Лермонтова новое звучание: это не просьба смиренного грешного, это разговор почти на равных, когда земной творец художественного мира может ставить свои условия творцу небесному. Именно огонь творчества дает такое право его обладателю, поскольку приобретен он им не по собственной воле, а по воле вышних сил. Этот мотив, называемый исследователями Лермонтова богоборческим, пронизывает все его творчество, порой развиваясь до вселенских масштабов. Лермонтов открыто заявляет о своей зависти к звездному небу и его творцу, пребывающим в гармонии, и подчеркивает, что не чувствует никакой привязанности к небесам.

Более того, зачастую муза Лермонтова приобретает очень необычный вид: это «чертенок из подземного огня», «взъерошенный остряк», «попугай» [2, 145], который все должен повторять за поэтом, высмеивающим пороки высшего света. В этом случае происходит удивительное: муза, которая обычно ведет поэта, оказывается ему подчиненной, а сам поэт – саркастическим сплетником. И основа всего этого лежит в своеобразии отражения небесного огня: не на землю, а уже из-под нее он отражается. Возникает подобие адского пламени, правда, это не ад загробной жизни, изображенное есть ад земного бытия человека, в котором сгорают все светлые чувства и порыва, искренность и безыскусность. В этом мире все оказывается покрытым чадом («Средь юных дев как будто бы в чаду...» [2, 148]), сквозь который невозможно разглядеть внутреннюю, духовную сущность человека и без того оскудевшую в пустом блеске и пороках света.

Понятие «огонь» в поэтическом мире Лермонтова включает в себя не только явление свечения, но и тепла, а также, что самое важное, стихийность и неуправляемость, потому часто приобретает схожесть с понятием судьбы, или фатума, как следствие, довольно часто огонь или пламень наделяются эпитетами «роковой»: «Темна проходит туча в небесах, / И в ней таится пламень роковой... [2, 186]. Этот эпитет придает мотиву огня в поэтической системе Лермонтова и еще одно важнейшее значение – значение разрушительной силы: «...Он, вырываясь, обращает в прах / Все, что ни встретит» [2, 186].

Стихия огня для Лермонтова может быть опасна и непредсказуема, так как являет собой неконтролируемую порывистую активность, а это привносит и негативные оттенки во все, что с этой стихией соприкасается. Это либо проявление негативных, разрушающих личность сильных чувств: «огонь отчаяния» [2, 84]; досады («Но, досады жестокой пылая в огне, / Перчатку в лицо он ей кинул» [2, 70], либо убийства: «Изрублены были тела их потом, / медленно жгли их до утра огнем [2, 455], либо войны: «зажглась, друзья мои, война» [2, 33], «среди пожаров ограбленных стран» [2, 207], «в дыму огонь блестел» [5, 410]...

Мотив огня оказывается соотносим в поэтическом мире Лермонтова и с похоронным обрядом, а, значит, неразрывно связан со смертью: «Его земле не отдадут, / Крест его не осенит; / И пламень, где его сожгут, / Навек мне сердце охладит» [2, 156], «Холодный труп, к высокой груде тел / Они без сожаленья повлекли, / И подложили бревен, и зажгли...» [2, 164].

Огонь у Лермонтова обладает столь огромной силой, что именно ему подчиняется любимая поэтом мощнейшая стихия

моря, преобразившись в ужасную морскую бездну. Следует помнить, что лирика Лермонтова эмоциональна, экспрессивна, и кажется, будто художник сам горит, столь обнажены, ярки его чувства, они как будто выплескиваются на бумагу. Поэтому поэт так широко использует разнообразные, иногда весьма необычные метафоры. Так, Лермонтов, желая подчеркнуть, что огонь – это динамичное явление, необыкновенно живое, находящееся в постоянном движении, перемещении, создает метафору огонь – молния – змея: «Вкруг скал огнистой лентой вьется / Печальной молнии змея, / [...] / Как вкруг скалы остроконечной, / Губитель-пламень, вьешься ты» [2, 98]. Что также объясняет, почему в поэтическом мире Лермонтова с молнией (огнем) связан эпитет «роковой»: «Темна проходит туча в небесах, / И в ней таится пламень роковой» [2, 186].

Сочетание водной и огненной стихии может давать у Лермонтова самый неожиданный результат: мы можем увидеть преображение мира – от ужасной бури, разрушительной и опасной, до капельки росы, блистающей на траве, и слезы «из пламенных очей» [2, 102]. В этом случае речь идет не о двух мировых стихиях, а о противоположных явлениях, не могущих быть слитыми воедино, поэтому такое сочетание ведет либо к уничтожению одного из явлений (затухший пламень на сырой скале), либо к невыносимым страданиям человека (одна слеза от мучительного жара и пламени, охвативших героя; залитый огонь в груди).

Соотноится мотив огня в мире Лермонтова и с миром человеческого дома. Однако, в отличие от его старших современников, Е. А. Боратынского (см., например, «Где сладкий шепот») или А. С. Пушкина (см., «Зимнее утро»), у которых этот смысловой подтекст приобретал в какой-то степени бытовой характер, у Лермонтова это имеет прежде всего сакральный характер, потому оказывается часто связан с образами свечи и лампы («Могу заметить я, в окне / Блестит огонь» [2, 327], «Но их слова соседа не понудят / Лампаду ранее или позже зажигать» [2, 327], «дрожащие они печальных деревень» [2, 509], «Прозрачный сумрак, луч лампы. / Кивот и крест, символ святой» [2, 416]), правда, стоит оговорить, что иногда эти образы приносят дополнительный смысл, подчеркивая одиночество лирического героя («Свеча горит, забыта на столе» [2, 121], «Один я в тишине ночной; / Свеча сгоревшая горит» [2, 169], «Тускло светит луч лампы / Умирающим огнем» [2, 418]).

Таким образом, огонь у Лермонтова имеет две основные сферы реализации: как воплощение божественного (или демонического) огня и как изобразительно-выразительное средство. Во втором случае он

лишен способностей к внутреннему развитию, приобретая вид яркого образа, что обеспечивается зачастую сочетанием с цветовыми прилагательными («радужный», «багровый») и глаголами, обозначающими интенсивность или стадию горения («горит», «пылает», «гаснет»). Наиболее часто встречающаяся тематическая область использования этих образов – описания (довольно лаконичные) природных явлений, битвы или оружия: «Вам не видать таких сражений!.. / Носились знамена, как тени, / В дыму огонь блестел» [2, 408].

Все, что волнует и беспокоит лирического героя Лермонтова, все, что смущает его душу, выражается прежде всего с помощью мотива огня, поскольку именно в ответе на вопросы о том, что же преобладает в душе человека – светлое или темное начало, какова его природа, заключена одна из основных целей поэтических размышлений Лермонтова.

Наличие особой божественной искры ни у кого из поэтов не вызывает сомнений. Но в решении этого вопроса каждый проявляет свою индивидуальность. Для Лермонтова, так до конца и не определившегося, порождением какого начала (светлого или темного) стала эта искра, важнее всего оказывается сохранение этого внутреннего огня, во-первых, в качестве возможности вернуться к богу, а во-вторых, как залог способности к глубоким и искренним чувствам.

Образ огня в лирике Лермонтова связан прежде всего с духовным пространством. Свет, что своим происхождением изначально связан с миром Божественным, но заполняет собою не только Вселенную, его лучи проникают и в микрокосм человеческой души, и именно она привлекает к себе основное внимание Лермонтова-поэта. Несмотря на довольно сильное влияние традиций на поэта, в раскрытии мотива огня в своём творчестве он в большей мере ориентируется на установки собственной философской системы, выделяя несколько сторон рассматриваемого явления.

Литература

1. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) // Libri Magistri. – Вып. 1. – Магнитогорск, 2015. – С. 116–133.
2. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений в 4 томах. – Т. 1. – Стихотворения 1828–1841. – М., Л.: АН Наука, 1958. – 756 с.
3. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: моногр. / Т. В. Федосеева, А. В. Моторин, А. И. Разживин, А. Н. Пашкуров, А. В. Петров, В. В. Биткинова,

Н. И. Недашковская, Ю. Г. Дорофеева; под ред. Т.В. Федосеевой. – Рязань: РязГУ, 2012. – 492 с.

4. Мережковский, Д. С. М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества // Мережковский Д. С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. – М., 1991. – С. 378–416.

5. Рудакова, С. В. Системность художественного мышления Е. А. Боратынского-лирика: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. – Екатеринбург, 2014. – 44 с.

6. Савельев К.Н. Декаданс и теории циклической истории // Libri Magistri. – Вып.1. Литературный процесс: историческое и современное измерения. – 2015. – С. 150–156.

7. Abramzon, T. E., Rudakova, S. V., Zaitseva, T. B., Koz'ko, N. A., Tulina, E. V. The Consistency Of Lyric Artistic Thinking // International Journal of Environmental and Science Education. –2016. – Т. 11. – № 17. – С. 10185–10196.

8. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural Mythology in the 18th Century Russia: Definition, Typology, Ways of Functioning / T. E. Abramzon, T. B. Zaitseva, N. A. Kozko, S. V. Rudakova // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2016Conference Proceedings. – 2016. – С. 651–658.

MOTIVE OF FIRE IN M. YU. LERMONTOV'S LYRICS

S. V. Rudakova

Abstract

The article is devoted to the question of originality of interpretation of the motif of fire in M. Yu. Lermontov's lyrics, dependent not only from the existing in the Russian and world culture of traditions, but many from installations and philosophy of the poet. The motive of fire at Lermontov is implemented first of all in two spheres: as embodiment divine (or demonic) fire and as visual means of expression.

Key words: Lermontov, motive of fire, mythology, nature, feelings, inspiration, creative, destructive